

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Культурная ситуация рубежа XX–XXI вв. как в социально-историческом, так и в научно-познавательном измерениях характеризуется существенной нелинейностью динамики. Вместе с XX столетием покидает сцену и идея линейного прогресса, столь долго сопровождавшая человечество.

Идея нелинейности находится сегодня в фокусе внимания и в естественнонаучной, и в гуманитарной сферах. В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика, непосредственно осмысливающая себя в качестве концепции нелинейных динамик. Однако и в гуманитарной сфере, прежде всего в современной философии, могут быть обнаружены аналогичные тенденции: концепции нелинейного письма (Р.Барт и Ж.Деррида), идея нелинейной темпоральности (Ж.Делез), “генеалогия” взамен линейной “истории” (М.Фуко), нелинейная модель динамики бессознательного (Ж.Делез и Ф.Гваттари) и т.д. В целом, как было отмечено на Международной конференции Общества Сложных Систем, наука снимает “линейные очки”, делая своей целью “защиту нелинейного мышления по всему спектру научных изысканий”¹.

Все большую актуальность обретает методология нелинейного моделирования и в современной культурологии. В частности, нелинейная модель кросскультурного процесса может выглядеть следующим образом.

В стабильном и равновесном своем состоянии культурное пространство может рассматриваться как аксиологически центрированное определенной совокупностью тех аксиологических иерархий и интерпретационных матриц,

¹ Князева, Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е.Н.Князева // Вопросы философии. – 1998. – № 4. – С. 138–143.

которые рассматриваются в данной культурной традиции как нормативные. Подобный “центр” культурного пространства может быть условно обозначен как своего рода “ортодоксия”, если иметь в виду не только конфессиональный, но и собственно этимологический смысл понятия “ортодоксия” (греч. orthos – правильный, doxa – мнение).

В своем становлении каждая ортодоксия проходит следующие этапы:

- 1) содержательное становление концепции;
- 2) оформление вокруг концептуального ядра будущей ортодоксии пояса культурных поведенческих программ, фиксирующих ее предпочтительный по отношению к другим концептуальным системам статус;
- 3) конституирование соответствующей системы в качестве собственно ортодоксии, что предполагает официальное санкционирование ее со стороны внеконцептуальных структур (государство, церковь и др.) посредством придания ей статуса единственно легитимной интерпретационной стратегии в соответствующей предметной области.

Оформившаяся ортодоксия исключает релятивизм трактовки и в перспективе имеет тенденцию к трансмутации от организованной в форме проблемного знания концепции к замкнутому и формализованному догматическому кодексу, тяготеющему – при аппликации на массовое сознание – к катехическим жанрам бытия в культуре. Таким образом, под ортодоксией можно понимать феномен канонического воспроизведения в рамках культурной традиции той или иной теоретической системы, обретающей в этой традиции аксиологически акцентированный статус “учения” вне значимых семантических трансформаций ее содержания, однако при неизбежной редукции последнего с течением времени.

В центрированном своем состоянии культурная традиция обеспечивает стабильность аксиологических шкал и интерпретационных матриц, что позволяет индивидуальному сознанию функционировать на основе ус-

тоявшихся мировоззренческих универсалий (интегральных представлений о мире, человеке и месте человека в мире, к которым относятся представления о том, что есть мир, Бог, причинность, пространство и время, часть и целое, человек, государство, счастье, смысл жизни, долг, честь, любовь, познание, истина и т.п.), не подвергая их ни сомнению, ни даже рефлексивному осмыслению.

Однако нарушение обрисованного (равновесного) состояния духовно-мыслительного пространства культуры неизменно разрушает эту идиллию, заключающуюся в том, что человек может позволить себе полагать, что мир устроен именно так, как он о нем думает.

Культурная среда может приходиться в неравновесные состояния вследствие изменений параметров ее развития, которые могут быть как внутренними, так и внешними. Среди факторов, вызывающих нарушение аксиологического равновесия культурной среды, одним из важнейших выступает фактор взаимодействия культурных традиций.

В ситуации неравновесности культурная среда характеризуется, с одной стороны, утратой жестких аксиологических ориентиров (своего рода ситуация мировоззренческого хаоса), а с другой – актуализацией и реализацией творческого креативного потенциала. Оформи́вшаяся константная макроструктура культурной среды (центр – периферия), проявляя все признаки интенции к самоконсервации, тем не менее утрачивает в обрисованном контексте прагматически и/или аксиологически приоритетные позиции: ценностные шкалы теряют свою безусловность, а культурный “центр” (ортодоксия) – потенциал мировоззренческого доминирования.

Хаос культурной среды в условиях неравновесного ее состояния со всей очевидностью обнаруживает себя на уровне мировоззренческих универсалий. Он проявляется в том, что в рамках культурной традиции оформляется несколько вариантов содержания одной и той же (причем, как правило, достаточно значимой в общей системе приоритетов данной культуры) универсалии: например различные интерпретации природы в русской культуре XIX

в. или трактовки любви в культуре Средневековья. На этой основе конституируются мыслительные структуры, которые могут быть оценены в качестве семантически альтернативных и аксиологически несовместимых друг с другом, – мировоззренческая среда приходит в состояние достигнутого хаоса. Это делает невозможным функционирование в сознании повседневности универсалий культуры в прежнем, безрефлексивном режиме.

Категориальный строй таких культур являет собой типичный пример хаотизированной нелинейной среды. В этой ситуации сложившаяся в соответствующей культуре универсальная схема мироинтерпретации, принятые в этой культуре идеалы мирообъяснения, сложившиеся в ней ценностные шкалы и другое ставятся под сомнение. Это означает, что культурный центр (а с ним – и вся оформленная макроструктура культурной среды) теряет статус безусловности, т.е. культурная среда утрачивает потенциал стабильности.

В этом случае флуктуации на микроуровне (единичном, индивидуальном) не изглаживаются, ибо в культуре нарушены системы стабилизации, а дают начало новым версиям структурирования культурной среды. Типичным примером может служить оформление платоновской концепции любви и красоты, предполагающей аксиологическую дифференциацию Афродиты Урании и Афродиты Пандемос. В контексте стабильной культуры античной классики эта концепция практически не повлияла на представления греков о любви: фабулы античных романов (Гелиодор, Лонг, Харитон и др.) организуются вокруг внешних препятствий, разделяющих влюбленных героев, и не фиксируют коллизий, связанных с различной интерпретацией ими природы любви; Лукиан, чьи герои клянутся “обеими богинями”, эксплицитно фиксирует отсутствие различий между любовью земной и любовью небесной для мышления повседневности. Между тем при утрате культурой стабильного состояния актуализация неоплатонической версии указанной дифференциации оказывается той точкой центрации, вокруг которой

складывается христианская мораль, акцентирующая агапе и сторге при негации филии и эроса.

В подобной ситуации культура утрачивает жесткую дифференциацию своих феноменов на ортодоксальные и аксиологически периферийные – культурная среда обретает характеристики аксиологической децентрированности и аструктурности. Практически это означает, что она открыта для нового структурирования, оформления новых культурных приоритетов (в перспективе – доминирующих ортодоксальных “центров”).

В данном контексте взаимодействие культурных традиций не может быть артикулировано как традиционно понятый “диалог”, т.е. взаимодействие стабильных систем с определенным содержанием и четко заданными аксиологическими шкалами. Соответственно, механизм взаимодействия культурных традиций не может быть описан ни как превалирование одной из них, ни как их взаимная аксиологическая аннигиляция, ни как суммативный содержательный синтез. Это связано с тем, что “встреча” в духовном пространстве той или иной культуры различных традиций сопровождается таким феноменом, как утрата культурой языка: по отношению к каждой из традиций другая – вне языка, ибо не может быть ассимилирована посредством чуждых ее содержанию понятийных средств. Такая ситуация сохраняется до тех пор, пока не будет сформирован метаязык, способный служить средством выражения всех взаимодействующих семантико-аксиологических рядов, т.е. охватывающий все версифицированное культурное пространство “встречи”.

В структурном отношении каждая культурная традиция может быть рассмотрена как текст (представляющий определенный язык), а новая формирующая ортодоксия – как метаязык, обладающий потенциалом “прочтения” этих текстов, т.е. задающий их семантическую и, соответственно, аксиологическую интерпретацию. Как отмечено Ю.М.Лотманом, в данном случае можно говорить о том, что не только язык порождает тексты, но и

разнородные тексты, взятые в их соприкосновении, обладают креативным потенциалом по отношению к языку².

Между тем сам факт прихода культурных традиций во взаимодействие является сугубо внешним по отношению к их имманентному содержанию и может быть рассмотрен как случайная флуктуация в их динамике. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с тем, что в синергетической терминологии обозначается как “порядок через флуктуацию”. Неравновесность культурной среды оказывается источником формирования новых языков, семантических систем и аксиологических шкал, открывая тем самым новые эволюционные перспективы рассматриваемой культурной среды, равно как и перспективы новых кросскультурных взаимодействий. Тем самым развитие культуры в целом может быть артикулировано в качестве атрибутивно нелинейного процесса.

Формирование новой ортодоксии в данном случае не выступает в качестве изначально целеположенного процесса, но представляет собой продукт самоорганизации культурной среды, предполагающей моменты бифуркационного ветвления, версифицирующего перспективы ее эволюции. Применительно к культурной среде это означает, что в период ее неравновесности в ее контексте формируются основы различных и независимых друг от друга вариантов нового интерпретационно-семантического “центра”, каждый из которых представляет собой попытку создания метаязыка по отношению к пришедшим во взаимодействие традициям. Это обстоятельство также оказывается фактором активизации генерирования новых версий мироинтерпретации: возникновение христианства на основе античной рациональности и ближневосточного теизма; расцвет куртуазной культуры как продукта взаимодействия христианско-европейской и мусульманско-арабской традиций на юге Франции и т.д.

² Лотман, Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю.М.Лотман // Избр. статьи: в 3 т. – Таллинн, 1992. – Т. 1. – С.131.

Следует отметить, что ситуация взаимодействия традиций может артикулироваться как динамическая лишь до того момента, как будет конституирован новый культурный центр (ортодоксия), т.е. до формирования универсального и унифицированного языка культуры, в нормативно-семиотическом пространстве которого осуществляется принудительная (семантически деформирующая) интерпретация всего, что выходит за рамки санкционированной этим языком легитимной аксиологической нормы.

Но на эксплицитно-официальном уровне, когда язык новой ортодоксии уже сформирован, ситуация рефлексивно моделируется таким образом, будто один аксиологический центр заменяется другим. Последний оценочно артикулируется в соответствии с характерной для данной культуры фоновой аксиологической шкалой: в культурах, ориентированных на новацию (типа новоевропейской), – в качестве новационного, а в культурах, ориентированных на консервацию (типа древневосточной), – в качестве традиционного. Обретя статус ортодоксии, новый аксиологический центр конституирует своего рода мифологическую историю своего становления. В рамках таковой альтернативные этому новому “центру” (содержательно им подавленные) версии культурного развития ретроспективно подвергаются окончательному (интерпретационному) подавлению: они аксиологически дискредитируются как семантически некорректные (“еретические”, “лженаучные” и т.п.). Если внешне ситуация выглядит как однозначное тотальное доминирование одной из взаимодействующих традиций над другой, то, как правило, это результат интерпретационных усилий со стороны новой ортодоксии, своего рода миф, подобный мифу о смене язычества христианством: реально же средневековое западноевропейское христианство пронизано языческими реминисценциями подобно тому, как эллинистическая культура семантически пронизана восточными влияниями, а культура социализма так называемыми “пережитками”.

Объективно же процесс становления новой ортодоксии реализуется, как правило, в качестве поливариантного: одновременно возникает несколько версий центрации культурной среды (несколько конкурирующих мировоззренческих парадигм, претендующих на статус ортодоксальных). Подобная ситуация может быть интерпретирована как точка бифуркации в динамике культуры, версифицирующая ее эволюционные перспективы, что предполагает своего рода бифуркационный выбор системой пути развития (многочисленные программы реорганизации церковной практики, предшествующие и параллельные францисканству – от катаров до Дольчино; столыпинская, конституционно-демократическая, социал-демократическая, анархистско-радикальная и другие социально-политические программы развития России начала XX в.; плюрализм эстетических программ при переходе от классики к модерну и т.п.).

Речь идет, таким образом, не о выборе культурой предпочтительной программы из исходно пришедших во взаимодействие, но о выборе в рамках интерпретационного поля, задающего варианты новых культурных программ, позволяющих тем или иным путем разрешить ситуацию мировоззренческого хаоса, т.е. задать новую структурную организацию культурной среды, предполагающую конституирование новой ортодоксии и новой периферии. Так, конфликтное столкновение в рамках средневековой теологии аристотелизма, ориентированного на схоластический дедуктивизм, и неоплатонического августинизма, тяготеющего к мистическому богопознанию, разрешается посредством оформления томизма как включающего элементы того и другого, но ни содержательно, ни аксиологически не аддитивного по отношению к ним.

В ситуациях описанной нестабильности возникновение новых версий организации культурной среды может происходить с предельно высокой скоростью (шквальный рост популярности Франциска Ассизского, “триумфальное шествие” советской власти и др.). С этой точки зрения

ситуация может быть описана в синергетической терминологии как протекающая в режиме blow up (“с обострением”), что предполагает радикальную структурную трансформацию среды в момент времени, практически близкий к точечному. В этой ситуации флуктуация на микроуровне (в системе отсчета культуры – на уровне индивидуального сознания) может оказаться решающей для конституирования новой макроструктуры в культурной среде. Окажется она таковой или нет, зависит от того, в каком локусе культурной среды она будет иметь место: большинство флуктуаций проходят незамеченными, ибо нивелируются в силу высокой скорости протекания культурных процессов в описываемых условиях, если же “возмущение” культурной среды произойдет в узловой точке, могущей выполнить функцию узла центрации, оно положит (подобно платоновскому видению любви и красоты) начало новой макроорганизации культурного целого.

Процессуальность взаимодействия культурных традиций с точки зрения механизма ее реализации может быть рассмотрена как осуществляющаяся поэтапно.

1. Первая фаза предполагает децентрацию культурной среды, разрушение прежней ортодоксии посредством снятия с нее ореола единственности. Культурная среда в данном контексте обретает характер аксиологически изотропной и может быть рассмотрена как открытая нелинейная среда, предельно хаотизированная на микроуровне (индивидуальное сознание и сознание повседневности) как в смысле отсутствия наличной упорядоченности, так и в смысле потенциальной креативности.

2. Вторая фаза представляет собой фазу генерации плюральных версий нового семантико-аксиологического центра культуры (хотя эксплицитно эта цель может быть не выражена, а соответствующие модели – рефлексивно осмысливаться в качестве оппозиции прежнему центру или маргинальных интерпретационных систем). В данный период приоритетным для культурной среды становится не

столько стремление к гомеостазису и семантической гомогенности, сколько интенция к разнообразию. Семантико-аксиологический плюрализм, порожденный взаимодействием нескольких культурных традиций, оборачивается квазиплюрализмом попыток его преодоления. На этой фазе культурная среда максимально чувствительна к микрофлуктуациям, и флуктуации даже на уровне индивидуального сознания могут (в силу автокаталитических эффектов) приводить к макроскопическим – в масштабе культурного целого – последствиям, в силу чего эволюционные перспективы такой культурной среды абстрактно могут быть оценены как бесконечно плюральные, а конкретно локализуются в рамках определенного вероятностного поля, очерчивающего границы возможного будущего данной культуры. Специфика превращения этих возможностей в действительность зависит не только от исходного содержания взаимодействующих традиций, но и от случайных факторов, которые в равновесных условиях были бы нивелированы, и от внешних влияний, которые при равновесном состоянии культурной среды выступали бы в качестве индифферентных. Например, наличие арабизированной испанской культуры за Пиренеями в течение нескольких веков (IX–XI) не оказывало содержательно значимого воздействия на эволюцию автохтонной христианской традиции в южной Франции, в то время как дестабилизация культурной среды в Провансе в XI в. делает фактор мусульманского соседства семантически значимым для оформления куртуазной традиции;

3. Третья фаза – фаза центрации, т.е. конституирования нового семантико-аксиологического центра культуры (новой ортодоксии) и оформления (посредством жестко избирательной легитимации определенных интерпретационных матриц) новой иерархии культурных смыслов. Каждое из плюральных культурных программ обретает конкретный статус: санкционированные программы (центр), нейтрально легитимные, аксиологическая периферия и оппозиция. Структурированная таким

образом культурная среда утрачивает неравновесный характер и обретает статус равновесной культурной системы. Формы макроорганизации культурной среды в данной фазе различны: среди них могут быть обнаружены аналоги и устойчивой дифференциации культурного пространства (жесткое выделение центра при непримиримой позиции в отношении инакомыслия), и своего рода “культурных часов” (последовательных колебаний между двумя и более центрами – типа схоластики и мистики в христианской истории Средневековья или тори и виги в парламентской истории Великобритании).

Ни в одной из обозначенных ситуаций невозможно линейно однозначное прогнозирование эволюционных перспектив неравновесной культурной среды, ибо динамика последней носит принципиально статистический характер. Это обстоятельство, однако, свидетельствует не о слабости исследовательской программы, примененной в том или ином конкретном случае, но, напротив, о ее комплексном характере, позволяющем учитывать флуктуационный механизм исследуемого процесса и статистический характер реализуемых в нем закономерностей. Подобная установка предполагает гипотетическое моделирование тех возможных вариантов культурной организации, которые могут возобладать при новом макроструктурировании неравновесной культурной среды. Нелинейный подход открывает возможность фиксации ареала возможных путей эволюции, которые в перспективе могут иметь место в динамике исследуемой культурной среды, т.е. вероятностного семантического поля ее развития (оставляя вопрос о механизмах перехода этих возможностей в действительность на долю последующего ретроспективного анализа).

В качестве принципиально возможных гипотетических вариантов эволюционных путей культурной системы могут быть рассмотрены:

– экстремальные (как с точки зрения содержательной последовательности, так и с точки зрения аксиологического

ригоризма) программы: например, аскетический экстремизм катаров в средневековой культуре, с одной стороны, и культивация скабрёзности в фаблю и шванках – с другой; славянофильство и западничество в интерпретации евразийского характера русской культуры и др.;

– программы, являющиеся зеркальной альтернативой, утратившей свой статус ортодоксии: либертинаж в противовес ригористической морали; феномен хиппи как эпатажная альтернатива “культуре отцов” и т.п.;

– реактуализация некогда имевших место культурных программ (своего рода “малые ренессансы”): например, Овидианское возрождение, программно культивировавшее эротическую поэзию в средневековой литературе;

– программы, являющие собой результат семантической трансформации фрагментов прежней ортодоксии в контексте новых аксиологических тенденций: христианское переосмысление языческих сюжетов (привнесение пасхальной семантики в мифо-архаическую символику яйца; трансформация в рождественское дерево майского шеста как фаллического символа космогонического соединения неба и земли; модификация языческих божеств в демонические фигуры: мифологема змеи, образы Марены, Хольды и т.д.);

– причудливые синкрисы различных и нередко разнородных культурных традиций: например, молитвенная традиция бенгинок как соединяющая в себе традиционную мистическую практику и приемы сексуального возбуждения (“нагие молитвы”); северофранцузская рыцарская культура, синтезирующая презумпции христианского фатализма и культ “счастливой авантюры” и т.п.;

– продукты своего рода аннигиляции альтернативных культурных программ, встреча которых в едином культурном пространстве приводит к вытеснению соответствующего предметного поля из фокуса аксиологической значимости: отторжение любых нравственных ориентиров массовым сознанием Ренессанса в условиях резкого противостояния христианской и светской морали,

исчезновение пейзажной лирики из литературы арабизированной Испании и т.п.

Данный список может быть продолжен, и, как правило, в реальной исторической ситуации объективируются параллельно несколько из приведенных возможностей. Хаотизированная и нестабильная культурная среда генерирует целый веер возможных путей своей макроорганизации. Однако на нормативно-официальном уровне происходит аксиологическая селекция актуализировавшихся программ, т.е. санкционирование и легитимация одних (центрирующихся вокруг будущей ортодоксии) и дискредитация и элиминация других.

Таким образом, свойство креативности может быть зафиксировано как атрибутивный параметр нестабильной культурной среды: если для цивилизационной истории эпоха нестабильности – это смутные времена (ибо развитие цивилизации предполагает эволюционное накопление достижений, безусловно, при соответствующих моментах перехода к новой мере), то для истории культуры период нестабильности – это ее звездный час.